

Сбежавшая
Жёна
КОРОЛЯ СЕВЕРА

ЮЭл -

Сбежавшая жена короля севера

<https://litres.ru/74211649>

Аннотация

Меня выбрал Гор — завоеватель, король Севера. Девушки завидуют, женщины ахают, мать говорит «будь послушной». А я? Я дерусь с синеглазым пленником, спорю до хрипоты и учусь владеть силой, которую сама не понимаю. Он думает, что я игрушка. Но игрушки не строят план, как сжечь мир вокруг мужа-тирана. Что вас ждет в новой истории: ♥#Вынужденный брак

♥# Властный герой

♥#мужчина влюбляется первым ♥#Противостояние между героями ♥#Сильная героиня ♥#Магия, дружба и, конечно, ЛЮБОВЬ

Обложка создана автором Алина Миг

В первую неделю старта, буду добавлять, в рандомные главы, промики на свои книги. ВСЕМ УДАЧИ!

Содержание

Знакомство	4
Пролог	5
I Глава. - Луна.	8
Визуализация.	16
(четыре года назад)	18
II Глава. - Меркурий.	24
(три с половиной года назад).	27
(два с половиной года назад)	30
(Два года назад)	34
Повзрослевшие герои	41
1 год и 9 месяцев назад.	42
1 год и 8 месяцев назад.	45
Ночная сцена у костра	54
III Глава. - Венера.	57
Разговор с матерью.	62
Шёпоты стойбища.	65
В преддверии свадьбы.	71
Гор Ферсит.	75
Свадьба	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Знакомство

Самый сильный воин севера. Учился у лучших, бился с лучшими, стал лучшим.

Огонь в глазах, огонь в волосах, огонь в сердце, огонь на кончиках пальцев.

Противостояние, которое спасет север, или сотрет его со всех карт.

Пролог

Гул битвы рвал тишину, словно яростный зверь. Сквозь ткань шатра доносились истеричные вопли, сдавленные стоны и глухой лязг оружия.

— Держитесь! — чей-то голос сорвался на крик. — Не пустите их к шатрам!

— Нас меньше вдвое, — прозвучал обречённый ответ. — Если не отступим, нас вырежут до последнего.

Кто-то вскрикнул, и этот звук оборвался резко, будто его перерезали ножом. Шаги, топот и треск сломанных копий смешивались с ржанием лошадей.

Я стояла в огромном шатре, и практически, не дышала. За пологом раздавались крики женщин, ругань мужчин и звук металла. Там, за пределами моей палатки, убивали моих людей, пока я затаив дыхание, молилась о победе.

Кинжалы, с изогнутыми лезвиями, лежат, прямо передо мной, но я не могу выйти и присоединиться к битве. А все потому что, возле деревянных балок, покрытых шкурами, стоит маленькая колыбель, с новорожденной малышкой. Моей малышкой.

Еще семь месяцев назад, я, восставшая против мужа, была самым опасным его врагом, на территории всей Снежной долины. Но сегодня, четырнадцать часов мучений спустя, маленькая рыжая головка появилась на свет, и я обрела сла-

бость, которой никогда не имела.

Мне ни раз говорили о том, что нет чувства сильнее, чем любовь родителя к ребенку, но я не могла в подобное поверить. В конце концов, мои родители, отдали меня самому ужасному человеку в королевстве. Вот только отрицать тот факт, что я не могу даже помыслить о том, чтобы оставить ребенка и бежать в бой, глупо.

Все что оставалось - молиться. Молиться Богу, в которого я перестала верить, стоило супругу, прикоснуться ко мне в брачную ночь. Богу который отвернулся от меня, когда он избил меня, в первый раз. И Богу, от которого я отвернулась, когда в мой последний день, в его стойбище, меня унесли друзья. Избитую до полусмерти, с треснувшими ребрами, окровавленным лицом, и сломанным духом. Лишь спустя месяц, я узнала, что покинув дом, забрала с собой его ребенка.

Ребенка, которого супруг жаждал, и которого я не хотела. Годами принимаемые травы, успешно оберегали меня от продолжения его рода. К сожалению, в последний раз, не уберегли. И видит Бог, я хотела убить дитя все месяцы, которые носила его под сердцем. Но стоило ей появиться на свет, как мир изменился. Отныне, больше ничего не имело значение, помимо ее благополучия...

Он вырос передо мной неожиданно, с окровавленным мечом в руках. Я рванулась к кинжалам, но была остановлена, приставленным к горлу острием.

Быстрый. Слишком быстрый. И высокий. В ближнем бою, я с ним не справлюсь.

- Соскучилась?

Низкий хриплый голос, с нотками раздражения и насмешки.

- Кто ты?

- Важно не кто я, а за кем пришел, не так ли ?

Клинок исчез также неожиданно, как и появился. Мой взгляд переместился к колыбели. Враг уже был возле нее...

- Не-е-ет. - выдохнула я.

І Глава. - Луна.

(пять лет назад)

Мать позвала меня к себе, когда солнце уже начало клониться к закату. Ветер тянул за края полога, и внутри шатра пахло сушёной рыбой, шерстью и лекарственными травами. Она сидела на шкурах — ровная и строгая, как всегда.

— Эль, — сказала она, и её голос не дрогнул. — Я должна сказать тебе важное.

Я подошла ближе, села, обняла колени руками и устояла на огонь в очаге. Пламя плясало и трещало, будто знало какой-то секрет, но не собиралось делиться им со мной.

— Ты уже взрослеешь, — продолжила мать. — И скоро всё изменится.

— Я и так взрослая, — буркнула я, надув щёки. — Я умею чистить рыбу, собирать ягоды, вязать сети. Разве этого мало?

Она посмотрела на меня так, что мне захотелось спрятаться под мех. В её взгляде не было ни улыбки, ни привычной мягкости — только тяжесть, будто за её словами скрывалось то, от чего не убежишь.

— Я не про это, — тихо, но отчётливо сказала мать. — Я говорю про время, когда ты станешь девушкой, способной продолжить род. Когда это произойдёт и у тебя пойдёт первая кровь, тебе придётся выйти замуж. Мы с твоим отцом подумали и заключили договор. Гор возьмёт тебя в жёны.

Я вскинула голову.

— Гор? — сердце ухнуло вниз, а потом рванулось вверх, словно птица, которой открыли клетку. — Тот самый Гор, о котором все говорят? Завоеватель?

— Да, — мать кивнула, и голос её остался ровным, без восторга и без страха. — Его люди уже передали слово.

Я замолчала. Огонь в очаге треснул, будто усмехнулся над моей глупой радостью.

Мне было четырнадцать. Всего четырнадцать. Я знала, что у нас девочек часто выдавали замуж и раньше. Знала истории, как тринадцатилетние рожали первенцев, а мальчишки в пятнадцать уже считались мужьями. Но когда речь зашла обо мне — стало странно. Я ведь ещё... ребёнок. В душе я бегала по снегу с девчонками, дралась на палках и смеялась, падала в сугробы, каталась с горы, пока щёки не горели от мороза. А теперь... жена завоевателя? Ещё минуту назад уверенная в своей взрослости, я в одночасье стала ребёнком.

— Это слишком рано, — прошептала я.

— Пока да. Но стоит тебе стать девушкой. Тем более таков закон, — мать пожала плечами, будто говорила о чём-то обыденном, вроде рыбы в котле. — И такова его воля.

— Но я... я же ещё маленькая! — я сорвалась на крик, потом прикусила губу. — У меня даже косы не такие длинные, как у Инги были, когда её отдали!

Мать вздохнула и посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Никто не спрашивает, Эль. Мы живём так веками. Мужчина выбирает — и девочка, став девушкой, становится женщиной. Ты должна быть послушной. Жена должна быть удобной мужу, иначе он возьмёт то, что ему нужно, силой.

Слова её будто обожгли изнутри. Я не сразу нашлась, что ответить.

— Но... это же Гор. Завоеватель, — пробормотала я, и сердце заколотилось быстрее. — Он сильный, смелый и благородный. Его боятся. Все говорят, что он может разогнать армию одним ударом. Что его меч рубит людей, как...

Мать скривилась.

— Слухи делают мужчин больше, чем они есть. Не верь всему, что шепчут у костра. Чтобы муж был благороден, он должен быть доволен. А чтобы он был доволен, тебе надо быть послушной.

Я насупила брови. Не люблю, когда мне указывают, что надо делать. Мама это знала.

— Если хочешь знать... — она склонилась ко мне, словно собиралась поведать великую тайну. — Он сам выбрал тебя.

Ну какой девушке не польстит, что из всех в стойбище выбрали её?! Я уставилась на свои руки. Узкие, жилистые, с ободранными костяшками. Они ещё не выглядели как руки женщины. Но сердце билось так, будто во мне просыпалось что-то новое — тяжёлое и сладкое.

Гор сам выбрал меня. Меня! Будет ли кто-то ещё в стойбище счастливее? Во мне зарождалась гордость. А вместе с

гордостью в груди разливался страх.

Вдруг я не справлюсь? Не понравлюсь ему? А вдруг я окажусь не такой, как ему нужно? Вот у Инги были красивые каштановые волосы и лисий разрез глаз. А у меня — рыжая копна непослушных волос, жёлтые глаза, маленький рост и веснушки на носу.

Я подняла глаза на мать:

— А если я скажу «нет»?

Она качнула головой:

— Тогда у тебя не спросят.

Я вышла из шатра, прижала мех к груди и глубоко вдохнула холодный воздух. Ветер пах снегом, дымом костров и жирным мясом, которое жарили для встречающих.

В голове роились мысли. Сомнения жгли: разве это правильно — быть женой, когда ещё не выросла? Но тут же поднималась гордость: все девочки стойбища будут завидовать. Я стану женой сильнейшего мужчины Севера.

Я шла по тропе между шатрами, укутываясь в мех сильнее и стараясь представить его лицо. Высокий, наверное. Сильный, с мечом, который рубит врагов, будто былинки. У него власть, и его боятся. Если он выбрал меня — значит, я особенная.

И в этот момент стойбище ожило.

Сначала я услышала лай собак — громкий, рвущий воздух. Потом гулкие шаги, звон металла. Женщины бросились наружу, поднимая пологи и выкрикивая имена. Кто-то за-

смеялся, кто-то заплакал от облегчения.

Вернулись мужчины. Их было много — уставших, в мехах, с оружием за плечами. Лёд под сапогами трещал, и каждый шаг звучал как удар сердца. Их плечи были в крови и копоты, но лица горели — живые, довольные добычей.

— Вернулись! — кричали дети, выбегая навстречу. — Вернулись!

Собаки тянулись к рукам, воины отмахивались и смеялись. Старики поднимали руки к небу, благодарили духов за то, что мужчины снова дома.

Но не только мужчины возвращались.

С ними шли мальчики и девочки. Захваченные в походах — чужие дети, которым предстояло теперь жить с нами. Их было много: молчаливые, худые, в обрывках одежды. Кто-то нёс на руках малышей. Старшие шагали рядом, ссутулившись, но с застывшей гордостью в глазах, будто хотели показать: они не сломались.

Я остановилась, разглядывая их.

Женщины толкались, перешёптывались:

— Смотри-ка, снова привели. Совсем малых тоже...

— Будут пасти собак. Или в кухне работать.

— А эта девчонка ничего, симпатичная. Её, может, кто возьмёт через пару лет...

Я слушала вполуха. Моё внимание уже зацепилось за одно лицо.

Мальчика чуть старше меня. Тёмные волосы падали на

люб, кожа бледная, и глаза... глаза были синие. Чистые, холодные, как зимнее небо после метели. Он шёл чуть позади, но выделялся так, будто сам воздух отступал вокруг него.

Я невольно задержала дыхание. Вот бы мне такие глаза.

Сердце глухо стукнуло в груди. Я почувствовала странное: будто мир вокруг шумит — женщины переговариваются, дети смеются, мужчины ругаются, — а я слышу только собственное дыхание и вижу только эти глаза.

Я даже шагнула вперёд, не думая. Меха соскользнул с плеч, но я не заметила.

Какие же красивые глаза.

Когда утих гул голосов, мужчины разошлись по шатрам, обсуждая покорение очередного стойбища, которое осмелилось восстать против власти Гора. Женщины перешёптывались у костров, деля добычу и строя догадки, какие семьи получат новых детей в услужение. Я подошла к костру, возле которого оставили пленников.

Никто не переживал, что они убегут. Куда тут бежать? Вокруг — сплошные поля, засыпанные снегом одиннадцать с половиной месяцев в году. Белая пустота без конца и края.

Они сидели и стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы было ясно: не родственники. Но достаточно близко, чтобы понять: они уже успели стать друзьями по несчастью. Кто-то обнимал колени, уткнувшись лицом в меха, кто-то смотрел в землю, кто-то — на огонь.

Я шагнула к тому, кто привлёк моё внимание, не разду-

мывая.

Мальчик стоял чуть в стороне, настороженный, словно зверёныш, которого вытащили из норы. Его глаза всё время бегали: по костру, по шатрам, по мужчинам, по небу. Будто искал выход, которого здесь не было.

Я остановилась прямо перед ним.

— Привет, — сказала я звонко, почти весело, как будто знакомлюсь на ярмарке.

Он молчал. Его взгляд скользнул поверх моей головы, словно я была пустым местом.

Я фыркнула, уперев руки в бока:

— Ты немой, что ли?

Он моргнул. Губы дрогнули, будто хотел что-то сказать, но он снова отвёл взгляд.

Я расхохоталась. Смех мой прозвенел слишком жизнерадостно, слишком громко для этого мрачного вечера. Несколько женщин обернулись, и я нарочно громче добавила:

— Ну ладно, молчи. Я всё равно буду говорить. У меня слов много, девчонки смеются, что рот у меня никогда не закрывается.

Он скользнул по мне взглядом — быстрым, острым, как клинок, и таким же холодным.

Я прикусила губу и вдруг выпалила:

— У тебя такие глаза...

Он нахмурился.

— Синие. Настоящие, чистые. Я бы отдала всё, чтобы у меня были такие.

Я почувствовала, как сердце стучит сильнее.

— А у меня... — я резко откинула капюшон, и волосы рассыпались по плечам, яркие, как пламя. — Рыжая, как костёр. И глаза жёлтые, как у волчицы. Все говорят — страшно.

Я попыталась улыбнуться, будто это была шутка, но улыбка вышла кривой.

Он задержал взгляд. Долго. Так, что мне стало неловко, и я поспешно добавила:

— Вот видишь? Тебе повезло. У тебя такие глаза. А мне достались эти — огненные.

Он тихо вздохнул и, наконец, впервые заговорил:

— Дура.

Визуализация.

Мариэль (Эль) Казуя девушка 14-ти лет, которая сегодня узнала, что в ближайшем будущем(не переживаем, ей будет 18), она станет женой короля севера.

Драгоценные читатели, к сожалению в рамках вселенной, замужество в столь раннем возрасте - это норма. Прошу понять и простить. К слову, наша героиня не разделяет обычаи своего народа.

Туро. Пока, это все, что нам известно об этом персонаже. Стал пленником завоевателей. Его дальнейшая судьба быть слугой, или, если он сможет проявить себя, охотником, либо воином. На начало истории - 15 лет. Владелец больших синих глаз.

Обращение к читателям.

Драгоценные читатели, добро пожаловать в новую историю. Книга является финальной в цикле “История в 7-ми главах”.

ВНИМАНИЕ! Книжки цикла взаимосвязаны, **но** независимы друг от друга, так что читайте в любом порядке, пазл сложится. Для тех же, кому важна последовательность:

- 1) Семь Дней, или как я вошла на престол (завершено). <https://litnet.com/shrt/oObQ>
- 2) Хитрости и уловки (завершено). <https://litnet.com/shrt/mtwt>
- 3) Невеста папы-принца (завершено). <https://litnet.com/shrt/wB0c>
- 4) Чертова женищина (завершено). - <https://litnet.com/shrt/MEe9>
- 5) Сбежавшая жена короля севера. Рабочее название "Остывшее золото" (в процессе написания).

(четыре года назад)

(четыре года назад)

Зима у нас вечная. Тут нет «началась — закончилась». Тут всегда холодно, только по-разному. Сегодня мороз щиплет руки так, что варежка не спасает, завтра снег сыплет в глаза, а послезавтра ветер такой, что дышать больно. Привычное дело. Мы все привыкли. Собаки воют, костры чадят, мужчины собираются на охоту. Ничего нового.

Я шла с Кайлой и Мирой к костру, где стояли парни. Взрослые уже проверяли ножи, подтягивали подпруги, а подростки крутились рядом, пытаясь выглядеть серьёзными. Среди них — Туро.

— Смотрите, — Кайла ткнула мне в бок. — Этот болван тоже с ними идёт.

«Этот болван» стоял чуть поодаль, среди таких же долговязых, ещё не до конца вытянувшихся подростков. На нём был чужой, явно перешитый полукафтан: плечи уже широки, а рукава короткие, торчат костяшки запястий. Синие глаза резали снег пополам; волосы торчали, как щётка, из-под шерстяной шапки. Он делал вид, что не замечает нас. Я — что совсем не иду к нему.

Он вырос. Вот реально вырос. За месяц с мужиками вытянулся, плечи стали шире, руки длинные, жилистые. И стоит такой, будто ему лет двадцать, а не чуть больше шестна-

дцати. Синеглазый, мрачный, всё время от всех в стороне. Бесит.

— Пойдём ближе, — сказала Мира.

— Ну и чего он строит из себя? — пробормотала Кайла.

— Будто не он ещё недавно по уши в снег падал.

— Сейчас посмотрим, — сказала я и пошла прямо к нему.

Мы подошли настолько, что я смогла расслышать, как скрипит ремень на его плече, когда он поднимает мешок. Вид важный. Серьёзный. Ну да. И слова сами вылетели — как всегда, когда Туро рядом:

— Слышь, герой, — сказала я звонко, чтоб все слышали.

— Зачем тебе на охоту идти? Ты ж мясо не ешь. Всё рыбой питаешься.

Он даже не посмотрел на меня сразу. Потом всё же поднял глаза.

— Как я могу есть тех, кого сам бы защищал, — ответил он тихо.

Я фыркнула.

— Красиво сказал, да глупо.

Он промолчал. Это меня больше всего раздражает. Он всегда молчит, когда надо спорить. Я схватила снег, сжала в ладонях и шарахнула ему прямо в плечо.

— Дура, — сказал он автоматически, и я улыбнулась, как от знакомой ласки. Только он умел говорить это так — без злобы, будто так и надо мне напоминать, кто я.

— А ты не дурак — ввязаться в охоту в столь юном воз-

расте? — я подняла брови. — Вот вы пойдёте, ветер стянет узлы, метель развернёт тропу, и ты замёрзнешь там, на белой кромке. И никто тебя не найдёт, Туро. Потому что снег всё скрывает. Даже следы тех, кто был лучше тебя.

Рядом потянулись плечами его друзья — Керн и Лави. Оба старались выглядеть взрослее, чем были: губы поджаты, спины ровные, но я видела, как дрожат руки, когда они завязывали тесёмки на рукавицах.

— Зато, если умру, — сказал Туро спокойно, — умру не бесполезным членом стойбища. В отличие от некоторых.

Голова у меня вспыхнула, как если бы кто-то бросил туда полено. Я кинулась вперёд, пальцы сами нашли палку, валявшуюся у костра. Прыжок — и я уже на расстоянии вытянутой руки, и палка бьёт сверху вниз, как мы били друг друга в детстве: насмерть не собираясь, но душу друг другу выбивая.

— Эль! — ахнула Мира.

— Ох! — взвыла Кайла, но не от испуга — от удовольствия.

Я била не сильно, но быстро — в плечо, в предплечье, по бедру. Он не уклонялся. Прикрылся рукой, смягчил удар корпусом, отошёл на шаг. И ни разу не ударил в ответ. Это разозлило меня сильнее, чем любое слово.

— Ну? — я отступила на полшага и снова пошла в атаку. — Давай, покажи, как ты «не бесполезен»! Или боишься меня, рыбацкий герой?

Он поймал палку ладонью. Легко. Я дёрнула — не уходит. Снег скрипнул под нашими ногами, дыхание вырвалось облаком из моей груди и развеялось ему в лицо.

— Отпусти, — сказала я между зубами.

— Отпусти ты, — ответил он.

— Первым отпускает слабый.

— Тогда отпусти, Эль.

Я шипнула, как кошка, и ударила ногой по его голени. Он поморщился, но не рванул палку, а просто шагнул ближе — и я оказалась между ним и деревом, как когда-то. Только сейчас его рука не вцепилась в горло, а легла у меня над локтем, не давая размахнуться. Он был выше. Намного. И сильнее. Намного. Всё внутри взорвалось бессильной злостью.

— Пусти-ии! — я попыталась укусить его за плечо, но он даже не отдёрнул руку.

— Эль, — сказал он, — я не дерусь с тобой. Больше.

— С каких это пор? — я рванулась вновь, но он только слегка сместил вес, и я ударила воздух. — Ты трус?

— Нет, — просто сказал он. — Я становлюсь сильнее с каждым днём. Боюсь тебя убить.

Я на секунду опешила. Потом усмехнулась:

— Да ладно! Смешно! Мой жених тогда от тебя пустого места не оставит. Я ему нужна целая.

— Вот именно, — Туро отпустил меня и закинул мешок на плечо. — Ты бесполезна сама по себе, но полезна ему. Только этим и держишься.

У меня дыхание сбилось. Я быстро выпалила:

— Благодаря мне наше стойбище станет сильнее! Я — причина, по которой всё возвысится. Моя польза бесценна. В отличие от тебя!

Он посмотрел холодно, кивнул на уходящих мужчин:

— Моя польза — там, — он кивнул на прогалину, где мужчины уже выстраивались цепочкой. — В снегу и в ночи. А твоя — в шатре. Каждый делает своё. Дура.

В этом «дура» не было привычной иглы. Скорее — горечь, как от пережжённого жира. Я не нашлась, что ответить. Он уже поднял мешок с припасами — легко, как будто тот весил горсть снега, — закинул на плечо и побежал, не оглядываясь, к уходящим взрослым.

— Идиот, — прошипела я ему в спину и только тогда поняла, что пальцы мои дрожат. Не от холода.

Кайла подбежала и вцепилась в мой локоть:

— Ты видела, как он не ударил? Видела? Вот это да! — она хохотала, как сорока. — Вот это рост! А раньше вы ж друг другу волосы клоками рвали!

— Рвали, — согласилась Мира, изучая меня так, будто хотела вытянуть из моего лица что-то ещё. — И синяками мерялись.

Мы стояли и смотрели, как мужчины и мальчишки уходят. Собаки лаяли, снег хрустел, голоса звенели. Они шли в белое поле, а внутри меня разгорелся пожар обиды, злости и чего-то ещё.

Я сжала кулаки, шепнула себе под нос:

— Вернись, Туро. Я не закончила ссору.

Пс-с-с, промокод **gbIsCirV** удачливому "Цветочная лавка с подвохом" <https://litnet.com/shrt/I7lh>

II Глава. - Меркурий.

(три с половиной года назад)

С того дня, как Туро ушёл с мужчинами, я решила: буду полезной. Хватит сидеть в шатре и слушать шёпот за спиной. Жених... бесполезная... только для брака нужна.

Нет. Я докажу обратное.

Я придумала новое приспособление для рыбы. Старые сети всегда тянули с трудом, а я сделала на палке зацепы, чтобы удобнее было вытаскивать. Мужчины вначале фыркали, но когда увидели, сколько рыбы я вытянула за раз, только переглянулись и промолчали. Значит, получилось.

Теперь каждый день я бегала проверять лунки. Как будто у меня была своя война — с рекой, с холодом, с пустыми животами в стойбище.

Сегодня всё шло, как обычно. Я добежала до знакомого места, согнула спину, ухватила за деревянную рукоять и дёрнула. Сетка шла туго. Слишком туго. Сердце дрогнуло: будет пир.

— Ну же! — прошипела я и дёрнула сильнее.

Солнце било в глаза, снег хрустел под ногами. Я чувствовала себя героиней: ещё чуть-чуть — и покажу всем, что одна девчонка может накормить стойбище.

Но день решил сыграть со мной злую шутку. Под ногой оказался кусок льда, блестящий, как зеркало. Я поскользну-

лась, и вся моя гордость грохнулась на землю вместе со мной.

Треск.

Я даже не сразу поняла. Только почувствовала, как подо мной вибрирует лёд, будто кто-то снизу толкнул его кулаком.

— Нет... — выдохнула я и попыталась подняться.

Поздно.

Под рукой пошла трещина, тонкая, как волосок, но мгновенно разрослась в сеть. Лёд хрустнул, вздохнул и разверзся. Мир под ногами исчез, и вместе с ним исчез воздух.

Я ухнула вниз. Вода сомкнулась над головой с таким грохотом, будто меня проглотило само чёрное небо.

Холод ударил в грудь ножом. Сбил дыхание. Я раскрыла рот, а в лёгкие рванулся ледяной поток. Мир превратился в тёмное марево. Сеть, которую я тащила, теперь тянула меня на дно, как камень.

Я билась руками, но пальцы уже не слушались. Тело стало чужим. В голове гремела одна мысль: так я и останусь здесь, подо льдом. Никто не найдёт. Никто.

И в этот миг, когда я уже перестала различать, где вверх, а где дно, я вдруг увидела... глаза.

Или мне только показалось?

Вода давила со всех сторон. Я била руками, но силы уходили слишком быстро. Холод вонзался в кожу, в грудь, в кости. Казалось, сама река решила прижать меня ко дну и не отпускать.

Сеть спуталась вокруг ног. Я дёрнулась, пыталась её со-

рвать, но пальцы соскальзывали. В ушах стучало, голова гудела.

Так вот как это — конец.

Я открыла глаза — и мир под водой вспыхнул искрами. Лёд сверху был мутный, белый, словно потолок, через который не пробиться. Я видела своё отражение — искажённое, размытое. Лицо, похожее на маску. Рыжие волосы разлетелись веером, будто огонь, поглощённый тьмой.

И тогда я заметила их.

Глаза. Такие, каких не должно быть в воде. Они смотрели прямо на меня.

Сначала я подумала: мерещится. Мозг, задыхающийся без воздуха, рисует то, чего я хочу видеть. Того, кто спасет.

Но глаза не исчезли. Они приблизились.

Кто-то — или что-то — протянуло ко мне руку.

Я рванулась. Сердце заколотилось так, что в груди стало больно.

Пальцы коснулись моих. Хватка была крепкой, живой. Меня дёрнуло вверх, к свету, к трещинам во льду. Я глотнула, уже не понимая — это воздух или вода, жизнь или смерть.

Последнее, что я услышала, был хриплый голос. Где-то совсем рядом.

— Держись.

И мир оборвался.

(три с половиной года назад).

Ветер завыл сильнее, дым лёг низко, и мне показалось, будто всё стойбище слушает нашу ссору.

Я чувствовала на себе взгляды. Это неудивительно: мы с ним слишком часто становились предметом сплетен.

Сначала люди пытались нас разнимать. Старики хмурились, женщины хватали меня за плечи, мужчины сдерживали Туро. Но потом... потом перестали. Поняли, что в этом нет смысла.

Мы дрались слишком часто. Он называл меня дурой — я его болваном. И начиналось.

Я прыгала ему на спину и колотила кулаками, как сумасшедшая. Он хрипел от смеха и пытался сбросить меня, крутился по снегу, падал, поднимался. Мы вырывали друг другу клочья волос, кусались, катались по земле. А потом неделями щеголяли в синяках и ссадинах — и даже не думали извиняться.

Иногда я слышала, как женщины перешёптывались:

— Эти двое будто бесов в стойбище впустили.

— Да они когда-нибудь друг друга и прикончат.

— Или поженятся, — хихикала третья.

Я делала вид, что не слышу. Туро фыркал и уходил.

Затем, в одно привычное зимнее утро, он ушёл с мужчинами на охоту. Почти на полгода. Я не ждала его — ну вер-

нётся и вернётся. Но когда он появился снова, я вышла из своего шатра после недельной болезни. Чуть не утонула среди толщи льда.

Он изменился. Вытянулся, стал выше, крепче, плечи развернулись. Долговязый, жилистый, уже не мальчишка, а почти юноша.

И, конечно, первая же наша встреча снова закончилась дракой. Даже вспомнить не могу, из-за чего.

Я бросилась на него, как всегда, и он, как всегда, ухмыльнулся. Но на этот раз не стал кружить, отмахиваться, падать в снег.

Он просто схватил меня одной рукой за горло и припечатал к дереву. Не больно — но так, что я не могла сдвинуться.

— Пусти! — зашипела я, колотя его кулаками по груди.
— Туро, пусти, гад!

Он стоял, не напрягаясь, и смотрел сверху вниз.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь меня победить?

— Я тебе рёбра переломаю! — я изо всех сил мотопила воздух кулаками, но он даже не дёрнулся.

Усмехнулся, отпустил, и я с грохотом сползла по дереву. Щёки пылали — от злости, но и от того, что он уже смотрел на меня сверху вниз.

С тех пор всё изменилось. Мне просто рассказали, что это он вытащил меня из воды.

— Ты бы видела себя, — кусая губы, рассказывала Мира.
— Белая, как снег, с губами синими-пресиними.

— Ага, — поддержала её Кайла. — Туро вбежал с криком. Звал на помощь. Ругался со старейшиной, который уже готов был признать тебя мёртвой. «Делай своё дело и лечи», — сказал он. Чуть не раздел тебя прямо там, утверждая, что тебя срочно надо согреть. Женщины вовремя вмешались, отобрав тебя у него.

С тех пор наши перебранки начинались и заканчивались исключительно на словах.

Он по-прежнему называл меня дурой. Я его — болваном. Мы кидались словами, как камнями, и иногда эти камни били сильнее, чем кулаки.

Я должна быть ему благодарна, но каждый раз, когда он говорил «дура», во мне просыпался бес.

(два с половиной года назад)

Я шла к костру, где обычно сидел Туро. У него был свой порядок: нож — всегда слева от ладони, миска — чуть ближе к огню, чтобы не застыла кровь, а справа — пучок веток для поддува. Он терпеть не мог суеты и чужих советов; я тоже. Наверное, поэтому мы и могли говорить по душам, когда не ругались, конечно же. Правда, с тех пор как он вытащил меня из воды, драка была всего один раз. И лишь потому, что я не знала, кто именно меня спас.

Сегодня он разделявал молодого оленя. Шкура уже снята и лежала рядом мягким, тяжёлым валом; под ней — тугая красная поверхность, где белели прожилки жира, словно крошечные реки под прозрачным льдом. Пар поднимался тонкими столбиками, и казалось, будто туша дышит сама — медленно и тяжело. Туро работал не спеша: лезвие шло по мышцам почти ласково, как рука по шерсти.

Я остановилась рядом, чуть сдвинув сапогом снег. Всегда любила наблюдать за тем, как орудуют мужчины. Туро же был в этом безумно хорош. И это несмотря на тот факт, что мясо он всё так же не ел.

— Опять уставилась, как на чудо, — сказал он, не поднимая глаз. Голос у него был уже не мальчишеский, но и не взрослый — тот странный, смешанный тембр, где упрямство цепляется за заботу, а забота прячется за насмешкой.

— Я смотрю, как ты нож держишь, — ответила я. — У тебя рука не дрожит даже на холоде. Это хорошо.

— Хорошо — это когда голова не дрожит, — он поддел жилу и, подцепив её, снял длинной тонкой лентой. — А у тебя, похоже, она пляшет от одной мысли.

— От какой же? — я наклонила голову, будто заранее знала ответ.

— Выйти замуж за Гора, — произнёс он без всякой выразительности, словно говорил: снег белый, дым горчит, Эль опять во сне бредит.

Я пожала плечами, как будто разговор о моей будущей судьбе — пустяк.

— Ты считаешь меня глупой?

— Я считаю тебя смелой не там, где нужно, — он перехватил клинок, прижал большим пальцем хребет лезвия, чтобы рез был глубже.

— О, смотри-ка, заговорил как старейшина, — я фыркнула. — Сколько тебе вчера стукнуло? Двенадцать?

Он усмехнулся уголком губ: у Туро получались взрослые усмешки — короткие, как ножевой взмах.

— Мне было четырнадцать, когда я смотрел, как догорают наши шатры, — сказал он, не глядя. — И когда вытащил из снега младшего брата своего друга — на руках, а руки уже не чувствуют пальцев... Вот тогда я тоже думал, что смелый. Только смелостью огонь не тушится.

Я замерла. Его слова, как ледяная вода, пробежали по спи-

не. Он никогда не рассказывал, что с ними произошло.

Нет, я знала, что они были одним из тех стойбищ, на которых развернулась война с одной из соседних стран, и их уничтожили. Дети по старой традиции переходили в стойбище победивших или, как в случае Туро, защитивших. Так он попал к нам. Но что было до этого?..

— Но ты выжил, — тихо сказала я, не подобрав слова сострадания. — Значит, всё-таки смелость была.

Он взглянул на меня быстро, остро, и снова уткнулся в тушу.

— Это не смелость, Эль. Это просто жизнь.

Я стиснула губы.

— А если бы тогда рядом был Гор? — спросила я упрямо. — Он бы легко справился. У него меч сильнее твоей смелости.

Туро резко поднял голову.

— Ты дура, — сказал он тихо, но в голосе дрогнула ярость. — Ты не понимаешь, что сила меча — ничто, если у тебя забрали всё.

Я вспыхнула.

— А ты не понимаешь, что значит быть выбранной им! Все девочки стойбища будут завидовать мне!

Он вытер клинок о снег и отбросил тушу в сторону.

— Пусть завидуют. Только это зависть к петле, которая затянется у тебя на шее.

Я хотела крикнуть, но слова застряли. Он отвернулся,

словно разговор окончен. Но стоило мне встать, как он добавил:

— И ты понимаешь это. Иначе не скрывала бы, что уже давно не девочка.

Моё сердце замерло в груди. *d7tYxwQp промокод "Крылья мести"*

(Два года назад)

(Два года назад)

Балка под ногами скрипнула, когда я перенесла вес тела. Шириной она была всего в ладонь, и каждый шаг требовал осторожности. Внизу мерцал лёд, чуть выше которого зависала вся наша странная конструкция — сплетённые бревна, связанные верёвками и разлинованные квадраты, словно шахматное поле. В прорубях внизу плескалась рыба, а мы с женщинами и подростками закидывали снасти, вытягивая серебристых пленниц.

Идея оказалась удачной — стойбище больше не голодало. А теперь ещё и шли разговоры о том, чтобы обменивать излишки улова с соседями. Мы строили не только ловушки для рыбы, но и будущее.

Я выпрямилась, прислушиваясь к лёгкому свисту ветра над замёрзшей рекой, и заметила, как по балке, нелепо размахивая руками, ко мне направляется знакомая фигура. Улыбка сама тронула губы. Туро. Конечно.

— Нелепая конструкция, — бурчал он, стараясь сохранить равновесие. — Надо ж было до такого додуматься.

— Ты сам говорил, что я бесполезная, — парировала я, опускаясь на балку и свесив ногу вниз. — Вот, решила стать полезной.

— Лучше бы одежду шила.

Я фыркнула. Знала, что он не серьёзен. Мира уже рассказывала, как Туро хвастался нашим уловом перед соседским стойбищем, выдавая его за предмет гордости.

Он уселся рядом. Его длинные ноги почти касались воды, мои же болтались выше.

— Вечно ты ругаешься, — сказала я, покосившись на него. — А сам-то с удовольствием ешь рыбу.

— Конечно с удовольствием. В отличие от вас, живодёров, я выбираю еду без мозгов.

Я расхохоталась, чуть не свалившись в прорубь. Туро всегда умел повернуть всё наоборот, будто видел мир под странным углом. Иногда казалось, что в детстве его действительно часто били по голове.

— Туро, животные не умеют думать.

Он прищурился и бросил в воду кусочек хлеба, привлекая стайку рыбы.

— Откуда ты знаешь?

Вопрос оказался на удивление серьёзным. Я на миг задумалась, подбирая слова.

— Лошади спасали седаков. Собаки находят дорогу домой. Птицы строят гнёзда, волки живут по правилам. А слоны — и вовсе одни из умнейших существ. Так что... умеют.

Он молча протянул мне кусок хлеба. Я взяла, а он продолжил крошить свой.

— А с чего ты решил, что рыбы не думают?

Туро замер, поджал губы и отвернулся.

— Просто знаю.

Раньше я стала бы допытывать, но теперь научилась отпускать. Мы ссорились куда реже, чем прежде.

Некоторое время мы молчали, слушая, как вода плещется под балками. Вдруг он спросил, словно невзначай:

— Кто рассказал?

Я напряглась. Вопрос касался вовсе не рыбы, а моего «великого вклада» в жизнь стойбища.

Вчера мать объявила всей общине радостную весть: я наконец-то стала девушкой. В семнадцать с половиной лет. Она уже теряла надежду и готовилась к позору, который мог бы пасть на её дом. А теперь она сияла, будто я принесла победу в войне.

— Кайла, — ответила я с грустью. Не знаю, почему скрывала это, но определённо не хотела, чтобы об этом узнали именно так — из уст подруги. Да, Кайла сделала это из лучших побуждений. Ведь я — будущая жена короля Севера.

— Ты готова? — Туро посмотрел прямо в глаза.

Я отвела взгляд к чёрной воде внизу. Как и когда он стал моим лучшим другом, я так и не поняла. Но именно с ним не нужно было играть роль сильной и счастливой. Даже если я пыталась.

— Конечно, нет, — прошептала я. — Но я буду женой Великого Гора.

На губах Туро появилась тень усмешки, но голос прозвучал горько:

— Что-то твой «Великий Гор» не спас моё поселение.

Слова ударили, будто холодный ветер пробрался под мех. Я не знала Гора лично, лишь слышала бесконечные истории о завоевателе и герое. И всё же спорить было неизбежно — такова была моя роль.

Я сжала хлеб в ладони, наблюдая, как внизу рыба рвётся к крошкам Туро. Мир был голоден. Люди — тоже. А впереди ждала меня дорога, где не хватит ни рыбы, ни слов, чтобы насытить всех голодающих.

— Ты говоришь о том, что было четыре года назад, как будто это объясняет, что будет дальше, — я прищурилась, не давая голосу дрогнуть. — Тогда у вас не было человека, который мог бы одним приказом заставить врага отступить. Великая сила — это не слово. Это настоящее железо, голоса, что слушаются, шкура медведя у порога, чтоб каждый, кто войдёт, знал: хозяин не тихо шепчет, а рвёт.

— Великая сила, — передразнил он без злобы, но с усталостью, что резала сильнее насмешки. — Слова, Эль. Ты ими греешься. Но от слов снег не тает.

— От силы — тает, — парировала я. — Сила меняет реки и стены. И людей — тоже.

Он поднял глаза. Тёмные, будто замороженная земля, где корни цепенеют от холода. Его взгляд обжёг сильнее мороза.

— Люди, которых меняет сила, часто перестают быть людьми, — сказал он тихо, и это прозвучало почти как мо-

литва.

Я резко вдохнула. Воздух ударил в горло ледяным ножом. Вскочив на перекладину, я качнулась, и под ногами дерево заходило ходуном. Туро вскинул руки, будто мог удержать меня одним своим упрямством.

— Эль, сядь!

— Это ты про себя? Или про Гора? — я усмехнулась, провоцируя. Слишком легко толкать Туро в огонь.

— Про каждого, кто верит, что чужая воля сильнее его собственной, — он повернулся боком и схватил мою руку. Его пальцы сжали крепко, будто боялись отпустить. Достаточно сильно, чтобы сердце ухнуло вниз, но не настолько, чтобы мы оба рухнули в ледяную воду. — Я не хочу, чтобы ты стала чьей-то тенью.

— Я не тень, — отрезала я. — Я — огонь. И с таким, как он, мой огонь поднимется выше шатра.

— Сгорит, — сказал Туро, и в его голосе не было усмешки. — И не только твой.

Тишина легла между нами, словно снег, поглощающий шаги. Мы были друзьями — странными, несогласными, но всё же способными делиться тем, что боялись сказать другим.

— Ты ведь понимаешь, — заговорила я осторожнее, медленно подбирая слова, — если бы тогда с вами был Гор, никто бы не посмел...

— Мне было пятнадцать, — оборвал он резко. — И я ви-

дел, что посмеют сделать люди, когда им страшно и когда им жадно. Власть всегда жрёт больше, чем ей нужно. Ей мало границ. Мало крови. Мало криков. Она не различает: свой или чужой. Мужчина или женщина. Даже ребёнок не спасается. — Он сжал кулак. — Гор может оказаться не тем, кем ты его рисуешь. Тебе стоило бы бояться неизвестности и готовиться к худшему.

Я вскинула голову, словно принимая вызов.

— А я не боюсь, — голос мой дрогнул, но я заглушила это силой. — Я справлюсь. Я стану женой Великого Гора. Хорошей женой. Матерью его наследников.

Он вскинулся на ноги. Снег скрипнул под его сапогом, дерево застонало под тяжестью.

— Конечно, — сказал Туро и усмехнулся так, что мне стало холоднее, чем от ветра. — Ещё не женщина, а уже воображаешь себя хозяйкой судьбы.

Он посмотрел сверху вниз, и в его голосе прозвенел металл:

— Тебя защищаю я. И пока мне удаётся держать тебя подальше от того, что жрёт людей изнутри. Ты даже себя не можешь защитить, Эль.

— Я не просила тебя о защите! — выкрикнула я. — И не просила твоих уроков.

— А я не спрашивал, — его голос стал ниже и тише, будто с каждым словом старел. — Я просто...

Он замолчал. В его глазах сверкнуло что-то слишком яр-

кое для синевы — словно пламя, от которого трудно отвернуться.

— Ты не должна соглашаться на брак с ним, — сказал он, как приговор. — Не должна. Даже если кажется, что вся сила мира в его руках. Если ты не хочешь...

— Ты просто не понимаешь, насколько он сильный мужчина, — слова мои вышли упрямыми, как шаги по льду. — Ты — мальчишка, Туро. А он — мужчина. От него пахнет зверем и железом. На такого не смотришь сверху вниз. Перед ним склоняют голову.

— За огнём тоже идут, — сказал Туро, и в его голосе холодно звякнула сталь. — Пока тот не обжигает глаза и не выжигает кожу.

Я рассмеялась — звонко, резко, будто треснула тонкая корка льда. Но смех мой дрогнул и хрипло оборвался. Туро стоял секунду, дыша тяжело и часто, а затем резко развернулся. Деревянный настил застонал под его шагами.

Он даже не оглянулся. Только бросил через плечо, зло и резко:

— Дура!

Повзрослевшие герои

Эль - семнадцать с половиной лет.

Туро - девятнадцать лет.

ИИИИИИ

Промокодик - obP02knS

(Не)случайная наследница чайной

<https://litnet.com/shrt/h5zH>

1 год и 9 месяцев назад.

1 год и 9 месяцев назад.

Я пошла по тропе между шатрами, и мне навстречу попались двое старших мальчишек. Один подмигнул, другой ухмыльнулся, провожая взглядом мой плащ. Я подняла подбородок ещё выше — пусть привыкнут смотреть снизу вверх. Пусть знают: я не стану отводить глаза. Если я когда-нибудь окажусь рядом с Гором — я тоже не отведу.

У Иги — старухи с пальцами, как сучья, — в шатре пахло сушёной рыбой и тёплой шерстью. Она сидела, согнувшись, и заправляла нитку в иглу, смачивая кончик губами.

— Тесьма у тебя? — спросила я без приветствия.

— У меня, — буркнула она, не поднимая взгляда. — Тебе какого цвета — чтоб мужчин веселить или чтоб глаз не мозолить?

— Чтоб не порвалась, — сказала я. — Цвет у прочности один.

Она хмыкнула, оторвала зубами кусок тесьмы и протянула мне. Старуха знала о традиции нашего рода.

— Глаза у тебя спорные, девка, — заметила она. — Одним видишь далеко, другим — совсем рядом. Выбери, каким смотреть на мужа будешь.

— А если у меня их будет два? — в шутку спросила я.

— Тогда хуже, — сказала Ига. — Тогда не знать тебе по-

коя, пока один не убьёт другого.

Примерно час меня крутили, вертели, обмеряли. Отец и мать решили, что у меня будет дорогое красивое платье. Обязательным условием было, чтобы к наряду подходила красная тесьма, которую носили все девушки нашего рода, когда выходили замуж.

Я вышла, прижимая тесьму к ладони, будто она могла остудить горячие мысли. Ветер перелистнул полог, и я на секунду снова увидела Туро у костра — как он работает и как, злясь, всё равно делает ровно, аккуратно. Он не умел бросать на полпути.

Мы с ним ещё поговорим. Он снова скажет «дура», я — «мальчишка». Мы оба будем держаться за свои слова, как за вёсла на стремнине. Но с дня нашего последнего скандала мы продолжали хранить тишину. И он, и я были слишком упрямы, чтобы сделать первый шаг.

Меж тем прошло уже три месяца. День моей свадьбы всё ближе и ближе. А мне даже не с кем было обсудить свои переживания. Кайла потеряла моё доверие. Мира пыталась стать прилежной дочерью, чтобы привлечь к себе внимание мужчин. Ей уже почти девятнадцать, а замуж так никто и не позвал. Туро же... Туро считает, что я стану тенью своего мужа. Что я обожгусь о его пламя власти.

Я знала: однажды я дойду до Гора. И он посмотрит на меня так, как смотрят на пламя — прищурясь, осторожно, жадно. И я выдержу этот взгляд. А потом... потом мы увидим,

кто кого обожжёт. И Туро пожалеет о своих словах.

Меня распирало от злости. Безумно хотелось высказать всё упрямому мальчишке, но нарушить молчание первой я не могла. Поэтому просто выжидала. Рано или поздно он заговорит со мной. Тем более, именно я заведу рыбной фермой. А он только ей и питается.

Удачливому направляется **O53eYnnw**

Промокод к книге "Цветочная лавка с подвоход"

<https://litnet.com/shrt/fnMA>

1 год и 8 месяцев назад.

1 год и 8 месяцев назад.

Подготовка к свадьбе шла, как метель: везде сразу. Женщины спорили, мужчины молчали и тащили брёвна, мальчишки гоняли собак к реке, а старики сидели ближе к жару, будто хотят прогреть воспоминания. Я шла меж шатров и думала, что никогда ещё стойбище не казалось таким тесным.

— Стой! — Кайла выскочила мне навстречу с охапкой ткани, как будто поймала добычу. — Смотри, что притащила!

За ней — Мира, аккуратная, сосредоточенная, как всегда. Вместо слов просто развязала ремень на свёртке, и снег у наших ног вдруг расцвёл узорами: тёмно-синий сукно с вышивкой по краю, тонкая светлая шерсть, словно освежённый иней, и тяжёлый мех с серебристым переливом.

— Выбирай, королева, — фыркнула Кайла. — Нам надо, чтобы они рты пооткрывали. Вот этот — чтобы он думал о грехе, а не о войне, — она встряхнула мех так, что ворс мягко пошёл волной. — А этот — чтобы все забыли, как дышать, — она показала на сукно с вышивкой, где по краю бежали маленькие белые олени, вплетённые в узор снежинок.

— Или этот, — тихо сказала Мира и провела ладонью по светлой ткани. — Чисто. Просто. Как снег. Для королевы — то, что надо: не кричать, а смотреть.

— Королева не должна «просто смотреть», — отмахнулась Кайла. — Королева должна входить — и всем становится жарко.

Я взяла светлую ткань и прижала к плечу. Она была холодная, как нож у горла, но ладони под ней мгновенно потеплели.

У нас тут с обрядами просто. Браки заключают под серебряной аркой — её ставят в центре стойбища, прямо в снег. Металлические прутья гнут мастера так, чтобы из них получились ветви, и на них вешают колокольчики — маленькие, как зубы ребёнка. Когда ветер идёт с реки, арка звенит, как лёд. Девушку выводят верхом на белом олене, и поводья вручают жениху. Он подводит её к алтарю — невысокой доске на двух рогах — и даёт обещания: тёплый кров, полные котлы, много детей. Слова каждый год одни и те же, но всё равно у женщин дрожат губы, а у мужчин — руки. Когда обряд завершается, мужчина снимает уже свою жену с оленя и увозит из стойбища на коне. Наша зима любит зрелища — и не терпит, когда кто-то возвращается пешком.

— Слышали? — заговорщицки шепнула Кайла. — Мужчины ушли искать белого оленя. Говорят, видели след возле каменного кармана. Если повезёт — сегодня к ночи приведут.

— Туро ушёл с ними, — добавила Мира, и сердце у меня трепыхнулось, как рыба в сетке.

Я сделала вид, что не слышала. Наша игра в молчанку

затянулась так сильно, что нарушить ее без драки, казалось невозможным.

— Белый олень сам выбирает невесту, — продолжила Кайла, склонившись ко мне слишком близко. — Если не подойдет — будет бодать, пока не уйдёшь с его спины. Слышала такие истории?

— Слышала, — буркнула я. — И знаешь, что ещё я слышала? Что если ты будешь нести чепуху, я попрошу Игу пришить твоему языку тесьму.

Обе приснули, и напряжение отступило на шаг.

Мы потащили свёртки в мой шатёр. Там уже было тесно от подарков: шкура медведя, тяжелая, как плохой сон; два меха соболя — гладкие, послушные, как вода; связки сушёной рыбы, аккуратно перевязанные красными нитками; ножи — узкие, как улыбки; котлы; крюки; ложки — кость и дерево; два мотка хорошей шерсти; уздечка с тиснёным ремнём; коробка с иглами; бляхи на пояс — белый металл, холодный, как полночь. Каждый приносил то, что считал важным. Каждый — по возможности. Вещей было так много, что я нашла в этом странное: как будто меня собирались не замуж выдавать, а упаковать в новый мир, чтобы там не было пустых углов.

— Вот это да, — Кайла села на корточки перед медвежьей шкурой и провела по ней ладонью. — Смотри, как переливается... Такое у нас только на праздники мелькает.

— Это Гор, — сказала Мира тихо. — Его люди прислали.

Видела клеймо у края? — она подняла угол шкуры: на вывороте было выжжено клеймо — рог и меч. — Значит, гонец уже близко.

Я подумала о то, что совсем скоро стану женой. И еще, что я зла на Туро, который не заговорил со мной даже сегодня. В день, когда мне исполняется восемнадцать.

— Пойдём к Иге, — решительно сказала Мира, забирая у меня светлую ткань. — Надо снимать мерки.

Ига встретила нас тем же запахом сушёной рыбы и тёплой шерсти. Пальцы у неё — тонкие, жёсткие, как сучья. Она смотрела на ткань не глазами, а подушечками пальцев. И если ей не нравилось, как что-то лежит, ткань сама это понимала и ложилась иначе.

— Сначала — тесьма, — заявила Кайла, зная, что может спорить с кем угодно, только не с Игой.

— Сначала — посадка, — отрезала Ига.

Она крутила меня, вертела, обмеряла. Ладонь у неё горячая, слова короткие: «подними», «опусти», «стой», «дыши». Я держалась, как на льду: ровно, не дёргаясь. И всё равно внутри всё было, как каша — горячо и липко.

— Тесьма у тебя? — спросила Ига, когда отметила меловой точкой линию талии.

— У меня, — кивнула Мира и протянула свёрнутую в круг красную ленту.

Ига поднесла тесьму к светлой ткани. Красный вспыхнул жёстко и красиво — будто пламя на снегу.

— Хорошая, — сказала Ига. — Смотри, Эль: Чтобы знали, чьих будешь. И чтобы помнила, чьей была.

— Чтоб не порвалась, — сказала я, повторяя утром сказанное. — Цвет у прочности один. Не понимала я этой странной семейной традиции.

— Цвет у упрямства тоже один, — хмыкнула Ига. — И он у тебя — красный.

Ига приколола первый стежок, и мне показалось, что арка где-то на площади звякнула — едва слышно.

— Она уже стоит, — сказала Мира, прислушиваясь. — Женщины закончили украшать.

— Осталось только невесту посадить на белого оленя, — отозвалась Кайла и тут же глотнула смехок, увидев мой взгляд. — Да шучу я. Ещё неделю будем шить, верно, Ига?

— Если не будешь болтать, — буркнула Ига. — И если невеста перестанет втягивать живот.

— Я не втягиваю, — возмутилась я и... перестала втягивать. Мы все трое расхохотались.

День тянулся, как нитка, и в каждой петле было дело. Мы прикладывали мех к подолу — тяжело, но так надо; выбирали пуговицы — кость или металл; спорили про рукава — узкие, чтобы было удобно, или широкие, чтобы было красиво. Кайла была за красиво, Мира — за удобно, я — за «чтоб и так, и так». Ига фыркнула и дала мне по пальцу напёрстком, когда я попыталась сама проверить шов.

К трём кострам вынесли горшки с наваром, маленькие со-

баки, как всегда, начали клянчить. Ветер приносил с реки металлическую свежесть — тот самый запах, который обещает ледяную ночь. Издалека, со стороны западного склона, пару раз откликнулся охотничий рог. Я каждый раз вскидывала голову и каждый раз убеждала себя, что это — не про него. Не про них. Просто сигнал.

Когда мы вернулись к моему шатру, подарков стало ещё больше. К шкуре медведя добавился небольшой, но очень ровный сундук — с кованой накладкой. В нём лежали ножи — кухонные, хорошие, и длинный — с травлёным узором на клинке. Бляхи для пояса, тонкие серебряные кольца для кос, тёплые рукавицы. И ещё — детская люлька, лёгкая, из гнутого дерева.

У меня на секунду перехватило дыхание.

— Это что? — спросила я глупо, хотя отлично понимала.

— Приданое должно быть полным, — сказала Мира мягко. — «Тёплый кров и много детей» — он это скажет. Женщины знают, что нужно, когда слова сбудутся.

— Тёплый кров... — повторила я и погладила люльку. Дерево было гладким, только тёплым.

Кайла заглянула в сундук, и я уже хотела шикнуть на неё — хватит рыться — но она вдруг присела, вытянулась и очень аккуратно достала... маленький мешочек. Никаких клейм. Тонкая рыбачья нить вместо шнура.

— Чьё это? — удивилась Мира. — Я не видела, чтобы кто-то приносил.

— И я не видела, — повторила Кайла и посмотрела на меня. — Твоё?

— Нет, — сказала я и взяла мешочек. Он был тёплый — как будто его только что держали в ладони.

Внутри лежал крошечный костяной кулон — резной, грубоватый, но узнаваемый: язычок пламени. На обороте — маленький узелок из красной нитки. Наш узел. Рыбацкий. Тот, которым мы в детстве перевязывали растрёпанные верёвки на сетях, и я всегда смеялась, что он «держит крепче клятв».

На костяной поверхности — едва заметная насечка. Всего одно слово. Я провела пальцем, вчиталась.

Всегда.

Я оглянулась — будто кто-то мог стоять за спиной. Никого. Только Мира с Кайлой — обе заглядывают мне в лицо.

— Там что? — спросила Мира.

— Пустяк, — выдохнула я, и голос у меня получился чужой. — Кость для косы. На счастье.

— Фу, — фыркнула Кайла, — не верю я в ваши «на счастье». Верь лучше в хорошую иглу. И в то, что белого оленя сегодня всё же приведут.

Я спрятала кулон в рукав, ощущая непонятное тепло. Снаружи звякнули колокольчики. Раз, другой, третий — как будто ветер шёл ровно по арке, пробовал, как звучит металл. Потом — рог. Уже ближе. Потом — лай. Собаки сперва разногласили, а потом разом, как одна глотка.

— Идут, — сказала Мира и посмотрела на меня. — Го-

това?

— А когда я была готова? — попыталась я улыбнуться.
— Пойдём.

Мы выбежали к площади. Там уже суетились: кто-то подтаскивал еловые ветки — выложить дорожку к арке, кто-то тянул верёвки, кто-то кричал: «Детей в сторону!» Металл арки звенел чаще — ветер играл там, где скоро будут мои шаги. На снегу рядом с аркой лежала моя красная тесьма — Ига, видно, пришла раньше и проверила, как она ложится на светлом.

С западной стороны показалась цепочка фигур. Сначала — собаки, тянущие лямки, потом — люди. На шестах — рога. Дальше — пятно белого, как выдумка.

Олень шёл медленно, высоко поднимая ноги. Шерсть у него не была ни серой, ни молочной — чистой, как первый наст. Рога — большие, как две развилки пути. На шее у него позвякивали костяные подвески. Такой не идёт, — подумала я, — такой входит.

Рядом с ним — трое. Двое держали длинные верёвки и говорили с оленем тихо, губами. Третий шёл впереди, словно показывал дорогу. Я знала его походку раньше, чем различила лицо.

Туро.

Он был в тёмном, на плечах — белый иней, как перья. Лицо спокойное, без лишнего. Он не искал глазами никого. И всё равно нашлись мои.

Он на мгновение посмотрел туда, где я стояла. Взгляд зацепил меня, как крюк за петлю, — и сразу ушёл. Ни шагом, ни бровью, ни вздохом он не выдал, что видит.

Сердце у меня ударило раз, другой. Кулон в рукаве будто стал горячим.

— Эль, — шепнула Мира, — они нашли оленя.

Я подняла подбородок. Серебряная арка звякнула — сразу всеми колокольчиками, как бывает перед бурей. Олень остановился. Туро положил ладонь ему на шею — спокойно, без силы — и олень послушно сделал шаг к арке.

С юга, со стороны дороги, раздался ещё один рог. И ещё. Другой тон, другой ритм — тяжёлый, неторопливый. Так трубят не охотники.

Так трубят, когда идут знамёна.

Ветер поменялся — принёс запах коней, смолы и металла. Где-то вдали пустили дым — высокий, ровный, как палец, показывающий: «сюда».

Кайла судорожно ухватила меня за руку.

— Это он? — прошептала.

Я не ответила. Арка звенела, олень дышал, как горн — тепло, бело, густо. А у меня в рукаве лежал маленький костяной огонь с одним словом.

Всегда...

Ночная сцена у костра

Вечером стойбище становилось другим. Днём всё здесь было шумом и суетой: собаки, крики женщин, удары топоров, плач малышей. Но с наступлением темноты люди прятались по шатрам, и тишина становилась густой, как кисель. Только костры ещё спорили с ветром, треща и выплёвывая искры.

Я сидела возле огня, поджав ноги, и грызла полоску вяленого мяса, что днём сунул мне Туро, который продолжал молчать. Дым щипал глаза, и в этом щемящем жжении было что-то привычное и даже успокаивающее. Снег светился в темноте, отражая красное пламя, и казалось, будто земля дышит сама.

Туро сидел напротив меня и...молчал. Он всегда молчал, когда резал или чинил оружие. На этот раз у него в руках был старый нож с треснутой костяной рукоятью. Он сосредоточенно точил его о камень, не поднимая глаз.

Я наблюдала за его работой и злилась на него и на себя, что ни один не нарушает тишину. Можно считать, что он сделал первый шаг, когда принёс мне вяленую оленину. Но сделал-то он это молча.

— Ты весь день как ворона, — не выдержала я. — Сидишь, смотришь, крылом машешь.

— Вороны умнее, чем ты думаешь, — отозвался он глухо.

— Может быть. Но они хотя бы не ворчат без конца.

Я хотела рассмешить его, но он поднял голову, и в глазах его было не до смеха. В них горели отблески костра, и это пламя казалось слишком взрослым для мальчишки в двенадцать лет.

— Эль, — сказал он, — я правда не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

— Твою? — я вскинула брови. — А что в ней такого страшного? Ты жив, сидишь рядом со мной, НЕ ешь мясо, точишь нож.

— Ты забыла, как меня сюда привели? — он отложил точильный камень и сжал рукоять так крепко, что побелели пальцы. — Я был мальчишкой. Наше стойбище сожгли, меня бросили к вашим, как ненужный свёрток. Я шёл босиком по снегу, пока ноги не почернели. Я помню, как матери здесь смотрели на меня: не как на ребёнка, а как на трофей.

Я замолчала. Я помнила, конечно. Помнила, как он впервые появился у нас — худой, дикий, с глазами, в которых больше не было детства. Но мне тогда казалось, что всё это — обычное дело. У нас так было всегда: сильные брали у слабых. Так устроен мир.

— И ты думаешь, Гор такой же? Думаешь, я буду всего лишь трофеем? — спросила я тише.

Туро кивнул. Я ждала его слов. После нескольких месяцев молчания, я была рада слышать его голос.

— Он хуже. Его сила — это не щит. Это кнут. Он никого

не защитит. Он возьмёт, что захочет. Всегда.

Я сжала кулаки, потому что в сердце моём что-то зашевелилось — обида, гнев, несогласие.

— А если он захочет защитить меня? — бросила я. — Что тогда?

Туро рассмеялся коротко и горько.

— Тогда тебе лучше надеяться, что его «защита» не окажется тем же самым, что его власть.

Мы замолчали. Ветер трепал полог шатра за моей спиной, искры сыпались в небо и гасли. Я смотрела на Туро, на его острые черты, на упрямый изгиб губ, и думала: он просто не понимает. Он слишком рано увидел смерть, слишком рано потерял всё. Для него любой сильный мужчина — это враг.

А для меня... для меня сила была красотой. И если эта сила носит имя Гор, то я хотела принадлежать ей.

Я ещё не знала, что Туро прав.

И что однажды его слова о «кнуте» станут моим собственным клеймом. А пока... пока я ждала встречи с будущим мужем.

III Глава. - Венера.

Голос во тьме и первая встреча.

Ночь была на редкость ясной. Луна висела прямо над стойбищем, и снег светился так ярко, что можно было разглядеть каждую тропинку между шатрами. Дым от костров поднимался тонкими прямыми струями — мороз прижимал их к небу.

Я вышла за водой к проруби. Ведро было почти больше меня, но я упрямо тащила его сама, не желая звать никого на помощь.

На полпути к реке я остановилась. Ветер принёс до меня голоса. Они шли с другой стороны стойбища, там, где обычно селились пришлые воины.

— Мы идём дальше к югу, — сказал один. Глухо, с хрипотцой.

— Нет, — ответил другой.

И этот голос...

Он был не громким, но в нём звенело железо. Тот редкий тон, когда слова кажутся короче, чем они есть, и каждое будто крошит воздух. Голос, от которого мурашки бегут по коже.

Я замерла, прислушиваясь.

— Здесь достаточно, — продолжал тот же голос. — Люди дрожат, даже если мы не берём в руки меч. Это значит — мы

сильнее. Бунтовщиков среди них нет.

Воины смеялись, но он их прервал:

— Я не собираюсь тратить время и силы впустую. Впереди нас ждут те, кто ещё не склонил голову.

Я не видела его, но могла представить: высокий, с прямой спиной, глаза холодные, как лёд на реке. Уверенный в каждом шаге. Человек, которому не надо кричать, чтобы его слушались.

Моё сердце стукнуло так громко, что я испугалась, будто они услышат.

Я знала — это он. Гор.

Он говорил ещё что-то — о конях, о зимней дороге, о соседях, которых «надо прижать к земле, пока они не подняли головы». Но я уже не слышала слов. Я слушала только сам голос.

И в нём было то, чего не было ни в чём другом, что я знала: власть. Настоящая. Та, которая может согнуть человека, как сухую ветку, и при этом поднять его над другими.

Я вернулась к шатру с пустым ведром. Воды я так и не набрала. Туро стоял у костра и сразу заметил моё лицо.

— Ты где была? — спросил он.

— Слушала, — прошептала я.

— Кого?

Я замялась, но потом гордо вскинула подбородок:

— Его.

Туро понял сразу. Его губы скривились, и он резко бро-

сил в огонь горсть снега. Пламя зашипело и просело, словно от удара. Он хотел что-то сказать, но только сжал кулаки и отвернулся.

А я легла на шкуру в нашем шатре и долго не могла уснуть. Передо мной вставал не смех Туро, не его упрямые глаза — а этот голос. Холодный, тяжёлый и вместе с тем такой притягательный.

И в ту ночь я впервые подумала: если судьба великая — то она должна звучать именно так.

Его я увидела на рассвете.

Снег ещё не успел принять солнечный свет, и всё вокруг было серым — земля, небо, шатры. Только костры бросали рыжие отсветы, и в этих огненных пятнах всё казалось другим: руки охотников длиннее, тени детей глубже, глаза женщин темнее.

Он стоял возле центра стойбища, где всегда собирались старейшины и воины. Я шла туда с кувшином молока, зажатый в руках: мать отправила к соседям. Мне велено было идти тихо, не мешать, не глазеть. Но я глазела.

Гор был выше всех. Не то чтобы он выделялся одеждой — на нём был такой же меховой плащ, такие же сапоги. Но казалось, что он сам и есть тот самый центр, к которому прижимались остальные. Его плечи были широки, а спина прямая, будто он и вправду держал на ней весь этот холодный мир.

Он говорил коротко. Его слова резали воздух, как нож ко-

жу на разделке. Старики слушали, не перебивая, а воины едва заметно кивали, будто каждая фраза уже становилась приказом.

Я остановилась в стороне. Кувшин стал тяжёлым, как камень, но я не чувствовала рук. Моё сердце стучало — не так, как обычно. Не быстро, а как-то громко, будто оно само хотело выйти к нему.

И вдруг он повернул голову. Его глаза встретились с моими.

Это было не дольше вдоха. Всего миг. Он посмотрел — и прошёл дальше взглядом, словно на ребёнка или на тень от шатра. Но для меня этот миг был как удар грома среди зимнего неба. Я замерла, и на секунду показалось, что весь мир стал тише.

Я видела: он меня не заметил. Не как женщину, не как человека. Просто девчонку, случайно оказавшуюся рядом. Но внутри меня уже пылал огонь.

Я услышала за спиной шёпот Туро:

— Видела? Вот и всё. Для него ты — никто.

Я не обернулась.

— Для него я пока никто, — прошептала я. — Но это — пока.

Туро фыркнул:

— Ты думаешь, он когда-нибудь увидит тебя? Ты думаешь, ему есть до тебя дело?

Я сжала кувшин так, что побелели пальцы.

— Он увидит. А если не увидит сам — я заставлю его.

Туро хотел что-то сказать, но замолчал. Я почувствовала, как он смотрит на меня — зло, упрямо и вместе с тем... с той странной тоской, которую я тогда не умела назвать.

А я смотрела на Гора. На его прямую спину, на то, как он кивнул кому-то, и люди сразу бросились выполнять приказ. Я смотрела и знала: именно за таким я хочу идти.

Пусть Туро смеётся, пусть старухи шепчут, что я дура. Но если есть сила, которая может изменить мир — я хочу быть рядом с ней.

Разговор с матерью.

Разговор с матерью.

Я вернулась в наш шатёр, всё ещё держась за кувшин, будто за щит. Мать сидела у очага и шила рукавицы из заячьего меха. Её руки двигались быстро, уверенно, и даже игла, тонкая, как волос, слушалась покорно.

Я поставила кувшин у стены и, не раздеваясь, плюхнулась на шкуры рядом. Горячий воздух от костра обдал лицо, и я на секунду зажмурилась. Перед глазами снова вставал он — его высокий силуэт, холодный взгляд, который скользнул по мне и ушёл дальше, будто я — ничто.

— Ты чего такая тихая? — спросила мать, не поднимая глаз от шва.

— Смотрела на него, — выдохнула я.

— На кого?

— На Гора, — сказала я почти шёпотом, но так, будто это имя могло согреть.

Мать сделала ещё несколько стежков и только потом остановилась.

— Красивый, да?

Я кивнула.

— Сильный. Он... другой.

Мать усмехнулась, но не зло.

— Все мужчины кажутся другими, пока не станут мужья-

ми.

Я приподнялась, опершись локтями о колени.

— Ты не понимаешь. Он такой... будто весь мир у него в руках. Никто не сможет тронуть его жену. Никогда.

Мать наконец посмотрела на меня. В её глазах не было ни насмешки, ни восторга — только усталое знание.

— Мужчина может защитить жену, — сказала она. — Но только если жена не мешает ему.

Я нахмурилась.

— «Не мешает»?

— Жена должна быть удобной, — спокойно продолжала мать. — Как тёплый мех зимой или кувшин с водой. Не тяжёлой, не колючей, не шумной. Тогда мужу легче держать её рядом. И тогда он делится тем, что имеет.

— А если... если я не хочу быть удобной? — вырвалось у меня.

Мать вздохнула и снова взялась за иглу.

— Тогда готовься, что он возьмёт от тебя только то, что захочет. И только до тех пор, пока ты нужна.

Я замолчала. Слова застряли в горле. Я только крепче прижала колени к груди и смотрела на то, как мать снова и снова проводит иглу через мех, соединяя края.

Шов получался ровным. Прочным. Удобным.

Я не спала почти до рассвета. Лежала на шкурах, прижимая ладони к груди, будто пыталась удержать сердце, которое рвалось наружу. Я думала о Горе. О его прямой спине, о

его холодных глазах, о том, как все замолкали, когда он говорил. Да, он ещё не смотрел на меня. Но разве это важно? Важно то, что я видела его. Видела так, как никто другой.

Я знала, что Туро считает меня упрямой душой. Может, так и есть. Но если быть душой — значит верить в силу, которая выше ветра и снега, — тогда я не хочу быть умной.

Жена должна быть удобной, сказала мать.

Ты дура, сказал Туро.

А я отвечу им обоим: я не мех и не кувшин. Я не игрушка и не дура. Я — огонь.

Закрыла глаза и представила: белый шатёр, костёр у входа, череп медведя над порогом. Я — в мехах, за моей спиной — сам Гор. Его рука тяжёлая, но не пугающая, а утверждающая. И люди смотрят снизу вверх, понимая: рядом со мной — тот, кто сильнее всех.

Я уснула под вой ветра. И во сне он звал меня — не голосом, а тенью. Тяжёлой, холодной, красивой тенью, что падала на снег.

Я шагнула в неё. И снег под ногами заалел.

*ПРОМОКОД, ПРОМОКОД, ПРОМОКОДИК - q_JrfUEн
<https://litnet.com/shrt/GZ9e>*

Крылья мести. Во власти лунного дракона

Шёпоты стойбища.

Зима в этом году тянулась дольше обычного. Снег не хрустел под ногами, а словно оседал тяжёлым ковром, пряча тропы и дороги. Но всё равно в воздухе уже витало что-то иное — будто сама земля под льдом готовилась проснуться. Река глухо шумела, пробивая себе путь под коркой льда, ветер становился мягче, и даже небо всё чаще окрашивалось не в серую сталь, а в розовый утренний свет.

Гор со своими людьми расположился севернее нашего стойбища. Так велит закон: супруги не должны быть рядом до совершения обрядов. В нашем же случае, как и во многих таких же, супруги даже не были знакомы до брака.

Я вышла из шатра и на секунду задержала дыхание: во-круг кипела жизнь. Женщины спешили к очагам, переговаривались шёпотом, дети бегали по снежным тропкам, воины громко обсуждали последние вести. Казалось, всё стойбище вздрогнуло, очнулось — словно в ожидании чего-то важного.

Я знала, чего именно.

— Слышала? — прошептала мимо пробежавшая девчонка из соседнего шатра. — Сегодня привезут дары.

Я притворилась равнодушной, но сердце внутри ухнуло. Они говорили обо мне. О моём сватовстве.

Имя Гора звучало теперь в каждом разговоре: шёпотом у

очагов, громко — в мужских спорах, с придыханием — в девичьих пересудах. Он стал легендой ещё до того, как вошёл в наш шатёр. Его походы, его победы, его добычи — обо всём этом рассказывали так, будто сам ветер шептал эти истории.

И теперь его имя произносили рядом с моим.

Я чувствовала, как во мне поднимается гордость. Я больше не была просто «дочерью охотника» или «той самой рыжей девчонкой». Я стала кем-то, о ком шепчутся за спинами. Моё имя связывали с именем мужчины, которого боялись и уважали.

— Смотри, — окликнула меня Кайла, указывая на группу женщин. — Они уже готовят ткани для твоих нарядов.

Я улыбнулась, будто это было естественно, хотя внутри всё пело. Да, они готовили меха и ткани для меня. Девушка, становясь женой, должна прийти в шатёр мужа со всем необходимым для жизни. Таков закон.

Но радость тут же омрачилась. Я заметила, что чуть в стороне стоит Туро. Он держал в руках длинный нож и с привычной сосредоточенностью скоблил с кости остатки мяса. Его движения были быстрыми, злыми, и казалось, каждый удар ножа падал не на кость, а на что-то, что он ненавидел.

Я знала, что он слышал все эти разговоры.

— Ты выглядишь слишком довольной, — сказал он, когда я подошла ближе.

— А разве не повод? — я гордо вскинула подбородок. — Сегодня будут дары. Завтра — обряд очищения, а затем...

Затем я стану женой Гора.

Он хмыкнул, даже не глядя на меня.

— Ты просто завидуешь, — парировала я, чувствуя, как во мне загорается злость. — Теперь я стану женой сильнейшего мужчины.

Туро резко оторвал нож от кости, и лезвие со звоном ударилось о деревянное полено.

— Ты думаешь, сила купит тебе счастье? Она купит только твои слёзы.

Я хотела ответить, но язык словно прилип к нёбу. Потому что в его глазах не было насмешки — только ярость и боль.

И всё же я не позволила себе дрогнуть.

— Посмотрим, кто будет прав, — бросила я и ушла прочь, чувствуя на спине его тяжёлый взгляд.

Днём снег пошёл крупнее, тяжёлый, как манная крупа на деревянной дощечке. Небо опустилось низко, будто пыталось согреть нас своей серой ватой, но холод только гуще завернулся в щели между шатрами. Женщины торопливо перетаскивали тёплые котлы, девчонки сновали между рядов, щипцами вытягивая из печей просушенные пластины кожи: из них шили подклад для свадебного плаща. Мужчины стояли группами и спорили: у одних лица были расцветшие, радостные; у других — мрачные, сморщенные, как вываренные шкурки. Их раздражало само слово «сватовство».

Мои родители же сдержанно принимали всё, что было предназначено им. Дары за дочь преподносят её семье в ка-

честве оплаты за «драгоценную дочь», которую они вырастили. В случае, если дочь окажется с «изъяном», её могли вернуть родителям наутро и забрать все дары. Как и в том случае, если она не произведёт на свет первенца в течение трёх лет.

Но по праву долгожителя в нашем стойбище дары принимал старейшина. Он же распределял их. В случае, если невеста будет негодна, страдали все. Дополнительная ответственность падала на мои плечи.

К вечеру сквозь снег донёсся звон колокольчиков и сухой перестук копыт: пришли. Мы, дети и девушки, высыпали вперёд — кто под предлогом помочь, кто просто с глазами, полными любопытства. У въезда в стойбище показались люди Гора: пятеро в тёмных мехах, обледеневших у самых плеч, на головах — шапки с отворотами, закрывающими уши; на ремнях — короткие клинки и костяные свистки. Они двигались сильно и спокойно, как медведи, которые знают собственный вес и не торопятся. Впереди шёл старший: у него на плече был ремень от саней, а на ремне — связка длинных трофейных хвостов: лиса, соболь, волк.

— По приказу правителя, — сказал старший негромко, — дары его будущей жене.

Слова его распахнули воздух. Я почувствовала, как у меня под кожей перехлестнулся жар. «Его будущей жене». Мои пальцы сами сжались в кулаки — не от страха, от трепета. Женщины захохали — кто восторженно, кто завистливо.

Сани подвели к центральному костру. Снег вокруг смешался с копотью, стал грязно-серым. Люди Гора начали раскладывать подарки: густые, тяжёлые шкуры, тесьму из тиснёной кожи, два ножа с серебряной инкрустацией на рукояти, мешки с крупной солью, сушёную рыбу — тугую, плоскую, как доски. Поверх всего — волчий череп. Его поставили высоко, и в пустых глазницах будто загорелся огонь от пламени. Всем стало тише.

— Шкуры — в шатёр невесты, — ровно распорядился старейшина. — Соль — в кладовую старейшин. Рыбу — по семьям охотников. Ножи — её отцу и брату. А это... — он коснулся пальцем волчьего черепа, — будет висеть у её входа. Чтобы помнили, кто пришёл за ней.

Я не удержалась: сделала шаг вперёд. Снег треснул под сапогом. Старший из людей Гора перевёл взгляд на меня — не холодный и не тёплый, как у человека, привыкшего смотреть только на цель, но не на лица.

— Ты — она? — спросил он.

— Я, — ответила я и очень постаралась, чтобы голос не дрогнул. Вокруг кто-то зашептал, кто-то прыснул.

Старший кивнул и чуть заметно улыбнулся, словно увидел во мне какую-то правильную деталь, совпадающую с приказом.

— Тогда держи, — он достал из мешка простую кожаную ленту с костяным подвесом, — знак невесты. Надень на руку. Чтобы каждый в стойбище знал — на тебя нельзя смотреть,

как на свободную.

«Нельзя смотреть, как на свободную» — слова неприятно хрустнули у меня внутри. Но я всё равно вытянула руку. Лента легла на запястье тяжёлой полоской, как тонкая кандала. Я отбросила эти мысли. Гор хочет, чтобы все знали, что его женой буду я. Но взгляд непроизвольно метнулся к старому дереву.

Туро стоял в стороне, опустив голову. Когда я поймала его взгляд, он отвёл глаза так резко, будто обжёгся. Я почувствовала колючий укол обиды. Неужели нельзя просто порадоваться за меня — хоть на миг?

Старейшины обступили старшего свата, мужчины заспорили ещё громче: одни благодарили за щедрость, другие начинали говорить про цену. А я...

А я ушла к себе в шатёр.

В преддверии свадьбы.

Подготовка завертелась, как метель. В моём шатре не стихал шёпот: иглы наперегонки бегали по меху, скрипели косяные застёжки. Мать почти не говорила — только шила. Тётка Сана командовала девчонками:

— Швы ровнее! Нитку не рви!

Подруги то толпились у порога, то исчезали, лопоча о моём плаще, о волосах — заплетать ли в одну косу, как у женщин с юга, или оставить две, как у нас, — и об берегах.

Кайла приносила мне все слухи, словно воду в ладонях: «У Гора в стане пять десятков коней», «Он не пьёт перед дальним походом», «Он не любит, когда ему долго смотрят в глаза». Последнее мне почему-то понравилось: значит, не только меня поражает его взгляд.

Я в эти дни почти не спала. То сидела у очага и рассматривала свою «невестиную ленту», то выходила на мороз и глубоко дышала — так легче было совладать с собой. Иногда ходила смотреть на волчий череп, который уже висел у моего входа. Некоторые женщины, проходя мимо, ускоряли шаг. Большая часть невест ненавидела эту традицию. А мне — ничего страшного: череп был символом силы.

Я вышла за пределы границ стойбища и направилась к своей рыбной «ферме». Она и исчезновение Туро были двумя вещами, что беспокоили меня даже больше, чем завтраш-

няя свадьба.

Земли Соты — кладезь для обмена. Когда-то давно мы тесно взаимодействовали с соседями. Речная страна поставляла фрукты и овощи взамен на меха. Страна ветров делилась металлом в обмен на мясо. Не знаю, когда всё изменилось, — это случилось задолго до моего рождения. В детстве бабка рассказывала, что переходила через границу и целый год гостила у королевской четы Ройен, в замке, где снег лежит всего два-три месяца в году.

В мечтах я тоже пересекала границу. Хотела босиком по зелёной траве. Но потом вспоминала: моё племя живёт в снегах. И тогда я мечтала сделать так, чтобы жизнь наших людей стала легче. Хоть немного. Чтобы люди не были такими же суровыми, как зимы в Снежной долине.

— И чем же занимается моя будущая жена?

Я вздрогнула от неожиданности и чуть не свалилась в прорубь. Лёд там покрылся тонкой коркой, но не мог выдержать тело юной девушки. Сердце ухнуло в пятки, дыхание перехватило, и я уже видела в воображении, как ухожу под воду...

Но сильная рука обхватила меня за талию и рывком вернула обратно. Я ударилась о его грудь, такая твёрдая и широкая, что на миг мне показалось — это стена. Гор пах холодным мехом, железом и чем-то ещё, тяжёлым, от чего закружилась голова.

Перекладина под его ногами отчаянно закрипела, но он

даже не обратил на это внимания. Его пальцы сжали меня крепко, но не больно, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки.

Я вдруг поймала себя на мысли: если бы он отпустил — я бы снова упала. Если бы держал дольше — не смогла бы оторваться.

Гор Ферсит — мой будущий муж — аккуратно поставил меня на ноги и, развернувшись, двинулся в сторону берега. Я послушно последовала за ним. Вблизи он казался ещё больше: широкие плечи, высокий рост — выше Туро на целую голову. Длинные заплетённые волосы, густая нечесаная борода.

Когда мы ступили на землю, луна, словно союзница, осветила его лицо. Карие глаза прищуром смотрели прямо на меня.

— Так чем же ты здесь занималась?

Я смутилась, опустила голову. В животе защекотало, мысли спутались.

— Я... я... ферма.

— Ферма?

Он повернулся к моему кривому, косому, но рабочему сооружению и непонимающе уставился на него.

— Это ферма?

— Да, — тут я осмелела. Слишком хотелось поделиться своими достижениями. — Я сама соорудила эту конструкцию. Она шаткая, так что заниматься ею могут только жен-

щины. Мы сейчас ловим столько рыбы, что можно выходить на рынок Страны Ветров с предложением.

Луна снова спряталась за облака, и я не смогла разглядеть его реакцию. Но очень надеялась, что ему понравилось: что его будущая жена — не какая-нибудь дурочка.

— Ферма, — повторил он, когда свет снова залил берег. — Моя будущая жена должна сегодня выспаться. Пойдём, я тебя провожу.

Я послушно пошла рядом. И когда он улыбнулся — красивая, редкая улыбка — у меня внутри вспыхнуло тепло. Стоило нам подойти к первым шатрам, Гор отошёл в сторону и подождал, пока я дойду до своего. По обычаю мы не могли оставаться наедине до свадьбы.

Проявил заботу.

Ложась спать, я улыбалась. Мой муж был безумно красив, силен и заботлив. Что ещё можно пожелать?

Но, закрывая глаза, я всё же вспомнила его улыбку. Она была тёплой, но слишком быстрой, будто тень её коснулась и тут же исчезла. Словно он улыбался не мне, а чему-то внутри себя.

И почему-то именно эта мысль не давала мне уснуть дольше всего.

Гор Ферсит.

Гор Ферсит - самоназванный король севера. Власститель земель Соха, который преследует цель не только завоевать власть на своих землях, но и пойти войной на соседей.

Свадьба

День бракосочетания начался розовым небом. Снег стал мягким и липким — самое неудобное время для дороги. Собаки нервно дёргали цепи; олени фыркали, пар из их ноздрей поднимался белыми клубами. Люди Гора, оставшиеся за пределами нашего стойбища, прибыли ближе к полудню.

Я увидела его ещё до того, как он вошёл в круг костров. Узнала не по лицу — по тишине. Там, где шёл Гор, разговоры становились короче, паузы длиннее. Словно сам воздух боялся звучать рядом с ним.

На нём был чёрный плащ, от которого падала густая тень на снег — такая плотная, будто её можно было потрогать. Никаких драгоценностей, только широкий ремень и рукоять меча с простой костяной накладкой. Лицо — резкое, правильное, как череп волка у моего входа. Глаза холоднее льда, и всё же в глубине их пряталась жара, от которой хотелось отвернуться... и в то же время смотреть без конца.

Он не искал меня глазами. Просто он привык, что всё нужное само найдёт его. И это почему-то не обидело меня. Во мне поднялась тихая гордость: ничего, увидит.

Старейшины вывели меня к центральному костру. Женщины шептались, мужчины переглядывались. Мать стояла позади — пальцы её дрожали на гребне. Тётка Сана поправила мех на моих плечах и одними губами шепнула:

— Спина.

Я вытянулась, стараясь выглядеть выше, чем была.

— Это она, — сказал старший сват и отступил.

Гор перевёл взгляд на меня. Коротко. Ровно. Я почувствовала, будто меня взвесили на весах: достаточно ли плотная, не костлявая ли, выдержит ли дорогу и дом. Во взгляде не было ни любопытства, ни нежности, только проверка. На миг захотелось опустить глаза. Я не опустила.

— Ты принимаешь его защиту? — громко спросил старейшина. Голос его звучал, как удар в бубен. — Принимаешь дар, дом и долю?

Гул толпы стих, ветер замер. Все смотрели на меня.

— Принимаю, — сказала я. Слова вышли твёрже, чем я ожидала.

Гор кивнул чуть заметно. Не мне — самому факту: добро.

Он снял с плеча узкую меховую накидку. Не слишком богатую, но плотную, тёплую. И набросил мне на плечи. Накидка означала: теперь я под его защитой, под его плечом. Он не коснулся моей кожи, только меха. Но от этой тяжести колени стали ватными. Я подумала: вот сейчас придёт счастье. Но счастье не пришло. Пришла тишина. Такая плотная, что в ней тонули все звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.